

Космические течения

Автор:

Айзек Азимов

Космические течения

Айзек Азимов

Галактическая империяТранторианская империя #2

Высоко над поверхностью Флорины сквайры Сарк живут в невообразимом богатстве и комфорте. Однако внизу, в вечной весне планеты, местные флорианцы непрерывно трудятся, чтобы произвести драгоценный кырт, который приносит процветание их хозяевам.

Восстание немислимо и невозможно. У флорианцев больше нет концепции свободы, ведь любое нарушение торговли кыртом вызовет конфликт с другими планетами, что приведет к галактической войне. А Галактическая империя, стремящаяся к объединению всего человечества, позволяет угнетению продолжаться.

Рика похитили и промыли мозги. Теперь он человек без памяти и прошлого, влачащий существование среди работяг Флорины. Однако, когда его воспоминания начинают возвращаться, Рик обнаруживает, что он несет зашифрованное послание: все на Флорине погибнет из-за Космических Течений. Но если планета будет эвакуирована, власть Сарков обратится в ничто, и есть те, кто убил бы посланника. Судьба Галактики отныне висит на волоске.

Айзек Азимов

Космические течения

Isaac Asimov

THE CURRENTS OF SPACE

© С. Резник, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Дэвиду, который не торопился прийти в этот мир, но чьего появления стоило ждать

Пролог. Год назад

Человек с Земли принял решение. Оно вызревало долго и мучительно, но час пробил.

Минуло несколько недель с тех пор, как он покинул надёжную палубу своего корабля, укутанного холодной чернотой космоса. Собирался по-быстрому отослать краткий рапорт в местное отделение Межзвёздного Пространственно-аналитического Бюро и так же быстро вернуться в космос. Вместо этого крепко здесь застрял.

Точно в силочек угодил.

Допив чай, он посмотрел на человека, сидящего напротив, и произнёс:

– Долее я тут оставаться не намерен.

Этот другой принял решение. Оно вызревало долго и мучительно, но час пробил. Ему требовалось время, гораздо больше времени. Ответа на первые письма не последовало. Они словно в чёрную дыру канули. Впрочем, большего – или, вернее, меньшего – он и не ждал. В любом случае это был только первый ход.

Ясно было одно: пока суд да дело, нельзя позволить человеку с Земли ускользнуть. Он сжал гладкий чёрный стержень, лежащий в кармане, и сказал:

– Вы не улавливаете тонкостей данной проблемы.

– Что тонкого в гибели целой планеты? – возразил землянин. – Я хочу, чтобы вы оповестили о грядущем жителей Сарка, всех до одного.

– Мы не можем. Поймите, начнётся паника.

– Но вы обещали!

– Я всё обдумал и решил, что это нерационально.

– Представитель МПБ так и не явился. – Землянин перешёл к следующей своей претензии.

– Знаю. Они слишком заняты мерами по преодолению кризиса. Подождите ещё день или два.

– День или два! Опять «день или два»! Неужели все настолько заняты, что не могут уделить мне минуту? Они даже моих расчётов не видели.

– Я предлагал вам своё посредничество. Вы не согласились.

– И не соглашусь. Или они ко мне придут, или я к ним. По-моему, вы мне не верите, – с жаром прибавил землянин. – Не верите, что Флорине грозит гибель.

– Я вам верю.

– Нет, не верите. Не верите! По глазам вижу. Вы надо мной смеётесь. Вы не пространственный аналитик и ничего не понимаете в моих расчётах. Я даже не знаю, тот ли вы, за кого себя выдаёте. Кто вы такой?

– Вы перевозбуждены.

– Разумеется, что в этом удивительного? Или вы принимаете меня за психа? Думаете, небось: «Бедолага, космос свёл его с ума».

– Вздор.

– Думаете, думаете. Вот почему я хочу встретиться с представителями МПБ. Уж они-то разберутся, псих я или нет. Они узнают правду.

Второй мужчина вспомнил о принятом им решении и сказал:

– По-моему, вам нехорошо. Я помогу.

– Нет, не поможете! – истерично взвизгнул землянин. – Потому что я уйду! И немедленно. Вам меня не остановить, лучше сразу убейте. Но вы не посмеете. А если всё-таки посмеете, на вашей совести окажется смерть жителей целой планеты!

– Я не собираюсь вас убивать! – второй человек возвысил голос, пытаясь перекрыть землянина. – Успокойтесь, не буду я вас убивать, в этом нет нужды.

– Значит, просто свяжете, лишь бы удержать меня здесь. Вы это замыслили? А что будете делать, когда меня хватят в МПБ? Я должен регулярно отсылать им отчёты, так-то вот.

– В Бюро знают, что со мной вы в безопасности.

– Да ну? А им вообще известно, что я высадился на планете? Интересно, дошло ли до них моё первое сообщение?

Голова у землянина закружилась. Конечности словно одеревенели.

Второй человек поднялся. Он убедился, что решение было вполне своевременным. Неторопливо обогнув длинный стол, подошёл к землянину.

– Это ради вашего же блага, – участливо сказал он, доставая из кармана чёрный стержень.

– Психозонд, – неразборчиво прохрипел землянин, пытаясь встать, однако ноги отказались ему повиноваться. – Опоили... – процедил он сквозь сведённые судорогой челюсти.

– Опоил, – легко согласился второй. – А теперь послушайте меня. Я не причиню вам вреда. Просто в таком возбуждённом, встревоженном состоянии вы не можете уяснить всю щепетильность вопроса. Я уберу вашу тревожность, одну только тревожность.

Говорить землянин больше не мог. Он сидел в оцепенении и думал: «О, великий космос, меня опоили». Хотелось кричать, визжать, бежать без оглядки, но, увы...

Второй человек подошёл вплотную и навис над ним. Землянин поднял взгляд. Глаза ещё двигались.

Психозонд являлся автономным прибором. Требовалось лишь закрепить проводки на голове в определённых местах. Землянин в ужасе наблюдал за приближением стержня, пока не отказали глаза. Он не почувствовал, как тонкие острые щупы проникли под кожу и вонзились в черепные швы.

Ему оставалось только безмолвно вопить: «Вы не понимаете! Речь о планете, населённой людьми! Нельзя рисковать жизнью сотен миллионов. Неужели до вас это не доходит?»

Голос второго человека звучал всё слабее и глуше, словно с дальнего конца длинного, продуваемого ветром туннеля:

– Больно не будет. Уже через час вам станет лучше, гораздо лучше. И мы вместе посмеёмся над этим досадным недоразумением.

Землянин ощутил слабую вибрацию в черепе, затем исчезла и она.

Тьма сгустилась и придавила его. Часть её так никогда и не рассеялась. Потребовался год, чтобы слегка приподнять чёрную завесу.

Глава 1. Найдёныш

Рик отложил фидер и вскочил на ноги. Его так трясло, что пришлось привалиться к голой, молочно-белой стене.

– вспомнил! – закричал он.

Все повернулись к нему. Неразборчивое бормотание жующих людей стихло. Он видел их лица – неважно вымытые и неважно выбритые, бледные, лоснящиеся в тусклом свечении стен. В глазах не было любопытства – скорее рефлекторная реакция на неожиданный раздражитель.

– Я вспомнил свою работу, – вновь закричал Рик. – У меня была работа!

– Заглохни ты! – крикнул один.

– И сядь уже! – добавил другой.

Все отвернулись, гул возобновился. Рик растерянно опустил взгляд. Кто-то бросил: «Чокнутый Рик». Кто-то пожал плечами или покрутил пальцем у виска. Всё это ничего не значило. Проходило мимо его сознания.

Он медленно сел. Схватил фидер, похожий на ложку с острым краем и небольшими зубцами, которым одинаково неудобно было зачерпывать, резать и накалывать. Для фабричных рабочих и такое сойдёт... Рик перевернул фидер и невидяще уставился на номер, выбитый на обратной стороне ручки. Рику и не требовалось его видеть. Цифры он знал наизусть. Номера присваивались всем, однако у других имелись ещё имена. У него же имени не было. Его прозвали Риком. На сленге рабочих кыртопрядильни это слово означало «дурень». Частенько к прозвищу добавляли эпитет «чокнутый».

Может быть, за первым воспоминанием последуют другие? Осколок прошлого вернулся к нему впервые с тех пор, как Рик попал на ткацкую фабрику. Если бы только ему удалось сосредоточиться! Как следует обо всём поразмыслить!

Есть расхотелось. От голода не осталось и следа. Он воткнул фидер в желеобразный брикет мяса с овощами, оттолкнул еду и впился глазами в собственные ладони. Потом запустил пальцы в волосы, мучительно пытаясь шаг за шагом пробиться мыслями в бездну, откуда извлёк единственное воспоминание, смутное и нечёткое.

Он разрыдался, и тут прозвенел звонок, возвещая окончание обеденного перерыва.

Когда вечером он вышел с фабрики, его догнала Валона Марч. Он не сразу заметил её присутствие. Остановился, лишь услышав шаги нога в ногу с его собственными. У Валоны были тёмно-русые волосы. Она заплетала их в две толстые косы, которые скрепляла магнитными заколками с зелёными камешками – дешёвыми, потускневшими безделушками. На ней было простое ситцевое платье, вполне подходящее для здешнего мягкого климата. Рик тоже обходился безрукавкой и хлопчатобумажными брюками.

– Я слыхала, с тобой что-то приключилось в обед, – сказала Валона.

Говор у неё был резким, типичным для поселян. Тогда как речь самого Рика отличалась сильной гнусавостью. Местные насмехались и передразнивали его, но Валона объяснила, что это они по невежеству.

– Ничего не приключилось, Лона, – пробормотал он.

– Мне рассказывали, ты что-то вспомнил, – не отступалась она. – Рик, это правда?

Валона тоже звала его Риком. А как же иначе? Своего настоящего имени он не помнил, хотя пытался вспомнить изо всех сил. И Лона ему помогала. Однажды даже раздобыла где-то рваный городской справочник и принялась зачитывать вслух имена, но все они звучали одинаково чуждо.

– Я должен уйти с фабрики. – Он заглянул ей в глаза.

Валона нахмурилась. На её круглом широкоскулом лице появилось встревоженное выражение.

– Ты не можешь уйти. Это плохо.

– Я должен побольше узнать о себе.

– Вряд ли это поможет. – Она облизнула губы.

Рик опустил глаза. Он не сомневался в искренности её беспокойства. Именно Лона помогла ему устроиться на фабрику. Опыта работы с ткацкими станками у него не было. А может, был, просто Рик ничего не помнил? В общем, Лона убедила остальных, что ручной труд ему не потянуть, и его согласились бесплатно обучить работе на станках. В те жуткие дни, когда он не только не мог говорить, но даже не понимал, что такое еда, Лона заботилась о нём и кормила с ложечки. Она спасла ему жизнь.

– Я должен.

– Рик, у тебя опять голова болит, да?

– Нет. Я действительно кое-что вспомнил. Вспомнил, кем работал прежде. Вспомнил!

Рассказать ей или нет? Он отвернулся. Тёплое солнце уже клонилось к горизонту, до заката оставалось часа два. Во все стороны от фабрики тянулись тоскливые ряды однокомнатных домиков для рабочих, но стоило подняться на вершину холма, и вокруг раскинутся багрянец и золото полей.

Эти поля понравились ему с первого взгляда. Их вид успокаивал и радовал глаз. Даже в ту пору, когда он не знал, что поля именно «золотые» и «багряные», когда само понятие цвета было ему неизвестно, а восхищение он мог выразить лишь тихим клёкотом. В полях его головная боль проходила быстрее. В те дни Валона каждый выходной брала напрокат диамантитный скутер, и они покидали посёлок. Антиграв мягко нёс их вперёд, они скользили в фуге над землёй, пока не оказывались за много миль от человеческого жилья. В лицо бил ветер, напоённый ароматом цветущего кырта, и не было ничего, кроме этого ветра.

Они усаживались на меже, окружённые цветами, запахами и солнечным светом, делили пополам пищевой брикет и так проводили весь день, пока не наступало время возвращаться.

Эти воспоминания всколыхнули что-то в душе Рика.

– Лона, давай отправимся в поля.

– Уже поздно.

– Ну пожалуйста, недалеко, только за окраину посёлка.

Валона порылась в тощем кошельке. Она держала его за голубым кожаным ремешком – единственным украшением, которое могла себе позволить. Рик удержал её руку.

– Прогуляемся пешком.

Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую песчаную тропинку. Между ними висело тяжёлое молчание, и знакомый страх сжал сердце Валоны. Она не знала слов, чтобы выразить свои чувства к Рику, поэтому даже и не пыталась.

Что, если он её бросит? Для мужчины Рик был сравнительно невысок, с неё ростом, а весил и того меньше. Во многом он оставался сущим ребёнком. Однако до того, как ему отключили мозги, он явно был из образованных. Из образованных и непростых.

Сама Валона систематического образования не получила. Закончила ремесленное училище, где её научили читать, писать и обслуживать ткацкие станки. Однако ей хватало ума понимать, что далеко не все столь ограничены. Взять того же старосту, чьи знания приносили посёлку огромную пользу. Иногда на фабрику наезжали с проверками нобили. Лона никогда не встречала их вблизи, но как-то раз побывала в Городе и своими глазами видела несколько невероятно величественных существ. Изредка рабочим случалось слышать, как разговаривают образованные. Их речь звучала иначе: более гладко, певуче. А сколько длинных слов! И речь Рика, по мере того как к нему возвращалась

память, становилась всё больше похожей на их речь.

Его первые слова напугали Валону. Он произнёс их совершенно неожиданно после мучительного, со слезами, приступа мигрени. Выговор у него оказался чудной, но все попытки его выправить ни к чему не привели.

Уже тогда она испугалась, что к нему вернётся память и он её бросит. Кто она такая? Всего-навсего Валона Марч, прозванная Лоной-Орясиной. Она никогда не была замужем. Да и кто возьмёт такую: здоровенная деваха с крупными ступнями и покрасневшими от работы руками. На танцульках по выходным ей приходилось подпирать стенку и с немой обидой смотреть на парней, в упор её не замечающих. Лона была слишком внушительной, чтобы глупо хихикать и улыбаться.

Никогда ей не прижать к сердцу дитя. Девушки вокруг рожали одна за другой, ей же оставалось бросать со стороны завистливые взгляды на что-то безволосое, розовое, с зажмуренными глазками, липким ротиком и беспомощно сжатыми кулачками... «Твоя очередь, Лона». «А ты когда родишь, Лона?»

Она только отводила глаза.

А затем появился Рик, сам немногим отличавшийся от младенца. О нём тоже надо было заботиться: кормить, выводить на прогулку, баюкать, когда его мучила головная боль. Дети с хохотом бегали за ней, крича: «Лона-Орясина завела себе дружка! У Орясины дурень-дружок! Рик-женишок!»

Когда Рик смог самостоятельно выйти на улицу посёлка (Лона была так горда, когда он сделал первый шаг, словно Рику и правда был один год, а не все тридцать), дети принялись бегать вокруг него, вопить и насмехаться над взрослым мужчиной, жмурящимся от страха. Тот только ёжился и скулил в ответ. Лоне не один раз пришлось выходить из дома и отгонять ребятню, грозя кулачищами.

Её кулаков опасались даже взрослые мужики. В день, когда Рик впервые пришёл с ней на фабрику, она одним мощным ударом вырубил начальника цеха, отпустившего за их спинами непристойность. Фабричный совет оштрафовал её, удержав недельный заработок. Если бы не заступничество старосты, решившего, что Лону спровоцировали, не избежать бы ей суда.

Вот почему она не хотела, чтобы к Рику вернулась память. Лоне нечего было ему предложить, и она эгоистично рассчитывала, что он навечно останется беспомощным и пустоголовым. Просто она впервые стала для кого-то спасительным островом. И теперь боялась вновь стать островом необитаемым.

– Рик, а ты уверен, что это было воспоминание?

– Да.

Они стояли посреди полей. Солнце окрасило алым окрестности. Вскоре должен был подуть ароматный вечерний ветер, шахматная доска ирригационных каналов уже начала багроветь.

– Моей памяти можно доверять, Лона, сама знаешь. Например, не ты научила меня говорить. Я сам вспомнил слова. Согласна?

– Да, – нехотя ответила она.

– Я помню дни, когда ты увозила меня, ещё бессловесного, в поля. Я постоянно вспоминаю всё новые и новые подробности. Вчера вспомнил, как ты поймала мне кыртового светлячка. Сжала ладони лодочкой и дала заглянуть между большими пальцами. Там, в темноте, сиял оранжево-пурпурный огонёк. Я засмеялся и попытался просунуть туда руку. Светлячок улетел, а я расплакался. Тогда я не знал, что это за насекомое, – теперь знаю. Но ведь ты не рассказывала мне о том случае, правда?

Лона покачала головой.

– И тем не менее всё было именно так? Мои воспоминания не лгут?

– Всё так и было, Рик.

– А теперь я припомнил кое-что из моей прежней жизни. Должна же была быть у меня прежняя жизнь.

Должна, конечно. При одной мысли об этом на Лону наваливалась тяжесть. Его прежняя жизнь наверняка мало походила на нынешнюю. И прошла она на другой планете. Ведь единственным незнакомым Рикю словом было слово «кырт». Лоне пришлось объяснить, что так называется растение, важнее которого нет ничего на Флорине.

– Что же ты вспомнил? – спросила она.

Рик сразу как-то увял и замялся:

– Лона, воспоминание довольно путаное. Просто вспомнил, что у меня была работа. Вспомнил, в чём она заключалась. По крайней мере, отчасти.

– В чём же?

– Я анализировал Ничто.

Лона резко повернулась к нему и пристально посмотрела в глаза. Потом приложила ладонь к его лбу, но Рик в раздражении отстранился.

– У тебя опять разболелась голова? Ты уже несколько недель не жаловался на мигрень.

– Ничего у меня не болит. Отстань.

Она сразу потупилась, и Рик прибавил:

– Я вовсе не имел в виду, что ты мне надоедаешь, Лона. Только хотел сказать, что чувствую себя хорошо и тебе не надо так беспокоиться.

Она просветлела.

– А что значит «анализировал»?

Рик знал слова, о которых Лона понятия не имела. Она робела при одной мысли о том, каким образованным он был когда-то.

– Это означает... – Он ненадолго задумался. – Означает «разлагать на части». Представь, как мы разбираем сортировщик, чтобы выяснить, почему сбоят сканирующий луч.

– А-а. Но, Рик, неужели можно ничего не анализировать? Разве ж это работа?

– Я не сказал, что ничего не анализировал. Я сказал, что анализировал Ничто. С большой буквы «Н».

– А это не одно и то же? – спросила она, подумав про себя: «Ну, вот и всё. Я стала для него дурочкой. Скоро он с отвращением меня бросит».

– Разумеется, нет. – Рик глубоко вздохнул. – Сожалею, но я вряд ли смогу хорошо объяснить. Пока это всё, что я вспомнил. Однако работа наверняка была очень важной. Я это чувствую. Сомневаюсь, что я был преступником.

Валона поморщилась. Зря она тогда ему рассказала. Она убеждала себя, что предупредила Рика ради его же блага, хотя в глубине души понимала: она сделала это, чтобы ещё крепче привязать его к себе.

Это случилось, когда Рик впервые заговорил. Он заговорил так внезапно, что Лона перепугалась. Даже не решилась посоветоваться со старостой. В следующий выходной она сняла со своих накоплений пять кредитов (всё равно мужчины, который выбранил бы её за то, что она растранила своё скромное приданое, на горизонте не просматривалось) и отвезла Рика в город к врачу. Имя и адрес были написаны на клочке бумаги, тем не менее ей потребовалось два часа кошмарных блужданий среди мощных колонн, возносящих к солнцу Верхний город, чтобы найти нужное здание.

Лона настояла на приёме, и врач, вооружившись странными инструментами, проделал над Риком все мыслимые и немыслимые процедуры. Затем поместил его между двумя металлическими штуковинами, сразу засиявшими, будто кыртовые светлячки в полночь. Лона вскочила и принялась хватать врача за руки, требуя немедленно прекратить. Он вызвал двоих мужчин, и те выволокли брыкающуюся Лону за дверь.

Полчаса спустя врач сам вышел к ней. Он хмурился. Лона чувствовала себя неуютно, ведь врач был из нобилей, пусть и держал кабинет в Нижнем городе и смотрел на неё мягко, даже ласково. Вытерев руки маленьким полотенцем, он швырнул его в мусорное ведро, хотя, на её взгляд, полотенце было совершенно чистым.

- Когда именно ты обнаружила этого человека?

Лона рассказала ему, как было дело, стараясь не сболтнуть лишнего и не упомянуть ни старосту, ни патруль.

- То есть ты ничего о нём не знаешь?

- О его прошлой жизни? Ничего. - Она помотала головой.

- Этого человека подвергли психозондированию. Ты понимаешь, что это такое?

Она хотела опять покачать головой, потом произнесла свистящим шёпотом:

- Это то, что делают с сумасшедшими, да, доктор?

- И с преступниками. С помощью психозондирования им меняют образ мыслей. Ради их же блага. Оздоровливают разум или лишают того, что заставляет красть и убивать. Ты меня понимаешь?

Да, Лона понимала. Покраснев до корней волос, она сказала:

- Рик никогда ничего не крал. И он даже мухи не обидит.

Похоже, врач удивился:

- Так ты зовёшь его Риком? Послушай, что я скажу. Тебе неизвестно о том, каким он был прежде. И состояние его разума не позволяет об этом судить. Зондирование было глубоким и грубым. Не могу сказать, какая часть разума стёрта навсегда, а какая пострадала от шока и может со временем возвратиться. Некая грань его природы может вернуться так же, как вернулась речь, вот о чём я толкую. Парня следует поместить под наблюдение.

– Нет-нет, он останется со мной. Я хорошо за ним ухаживаю.

Врач вновь нахмурился, затем его голос сделался проникновеннее:

– Я ведь о тебе беспокоюсь, девочка. Кто знает, весь ли порок удалили из его головы? Этот человек может однажды причинить тебе боль.

Тут медсестра вывела Рика, бормоча ему что-то успокаивающее, как ребёнку. Он же держался за голову, глядя в пустоту. Потом заметил Лону, протянул к ней руки и захныкал:

– Лона, Лона...

Она бросилась к нему, крепко прижала к груди и сказала:

– Нет, доктор, он ни за что не сделает мне больно.

– Я, конечно, должен буду доложить об этом случае, – задумчиво произнёс врач. – Ума не приложу, как он удрал из-под стражи в таком-то состоянии.

– То есть Рика у меня заберут?

– Боюсь, что да.

– Пожалуйста, доктор, не сообщайте никому! – Она выхватила носовой платок, в котором тускло блеснули пять монет, и сунула их врачу. – Возьмите, доктор! Это вам. Я сама позабочусь о Рике. Он никому не причинит зла.

– Ты работаешь на ткацкой фабрике? – спросил он, глядя на монеты в своей ладони.

Лона кивнула.

– Сколько тебе платят?

– Две восьмых кредита в неделю.

Врач слегка подбросил монетки, сжал пальцы. Металл звякнул.

– Забери их, девочка. – Он протянул деньги Лоне. – Ты ничего мне не должна.

– И вы никому не расскажете о Рике? – Лона в изумлении взяла назад кредиты.

– Увы, я должен. Таков закон.

Обратно в посёлок она ехала с тяжёлым сердцем, почти не видя дороги и отчаянно прижимая к себе Рика.

На следующей неделе в новостях по гипервидео прошёл сюжет о враче, погибшем из-за отказа гироскопа во время короткого замыкания на местной энергонесущей балке. Имя показалось Лоне знакомым. Вечером, вернувшись домой, она сверилась с бумажкой. Имена совпадали.

Она огорчилась, потому что доктор был хорошим человеком. Его адрес ей когда-то дала подруга. Мол, доктор хоть и из благородных, но добр к рабочим. На всякий случай Лона сохранила бумажку. И вот, когда «случай» настал, доктор по-доброму отнёсся и к ней. Однако радость превосходила печаль. Судя по всему, он не успел сообщить о Рике. По крайней мере, за ним так никто и не явился.

Позже, когда Рик более или менее пришёл в себя, она передала ему слова доктора, намекнув, что, оставаясь в посёлке, он будет в безопасности...

Рик потряс её за плечо, и Лона вынырнула из воспоминаний.

– Ты слышишь? – говорил он. – Я не преступник, у меня была важная работа.

– А вдруг ты совершил какую-нибудь оплошность? – нерешительно предположила она. – Ошибки совершают все, даже очень большие шишки. Даже нобили...

– Нет, я уверен. Но мне нужно всё вспомнить, чтобы убедить других, понимаешь? Иного пути нет. Я должен уйти с фабрики, покинуть посёлок и попытаться выяснить, кто я и откуда.

– Рик! – Её охватил ужас. – Рик, это опасно. Зачем тебе куда-то идти? Неужели всё это так важно, пусть даже ты анализировал какое-то там Ничто?

– Я вспомнил ещё кое-что.

– Что же?

– Не хочу говорить, – прошептал он.

– Лучше скажи, иначе опять забудешь.

– Верно. – Он сжал её руку. – Но ты ведь никому не расскажешь? Лона, стань моей запасной памятью.

– Хорошо, Рик.

Он огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что высоко-высоко в небе над Верхним городом светится огромная надпись, гласящая: «Флорина – прекраснейшая планета во всей галактике». И, судя по тому, что он видел вокруг, это было чистой правдой.

– То, что я вспомнил, ужасно, но ведь все прочие мои воспоминания точны. Я вспомнил это сегодня после обеда.

– Ну, и?

Он обречённо посмотрел на Лону:

– Скоро все жители Флорины погибнут. Все до единого.

Глава 2. Староста

Не успел Мирлин Тиренс задумчиво снять с полки плёнку с книгой, как в дверь позвонили. Морщины на его полном лице разгладились, к нему вернулась обычная вежливая настороженность. Пригладив тонкие рыжеватые волосы, он крикнул:

– Минуточку!

Тиренс поставил плёнку обратно и нажал кнопку. Панель, неотличимая от других панелей стены, вернулась на место. Сердца простых рабочих и батраков были преисполнены неясной гордости за то, что, во всяком случае, один из них по рождению обладал плёнками с книгами. Этот отражённый свет словно бы разгонял сумерки в их собственных головах. Тем не менее выставлять книжные полки напоказ не стоило.

Один их вид заставил бы людей проглотить и без того не слишком резвые языки. Они могут сколько угодно хвастать наличием книг у своего старосты, но зрелище книжной полки делает Тиренса в их глазах излишне похожим на нобиля. А если бы в дверь таки позвонил какой-нибудь нобиль (сомнительно, конечно, но чем великий космос не шутит?), ряды книг были бы неуместны. По обычаю, у старосты имелись определённые привилегии, но злоупотреблять ими не следовало.

– Входите! – пригласил он и сам двинулся к двери, застёгивая магнитный шов у ворота туники.

Даже его одежда напоминала одежду нобилей. Временами Тиренс вообще забывал, что родился на Флорине.

На пороге, почтительно присев и склонив голову, стояла Валона Марч.

– Входи, Валона, – он распахнул дверь. – Присаживайся. Что же ты после комендантского часа-то? Надеюсь, патрульные тебя не видели?

– Кажется, нет, староста.

- Ну, будем надеяться. У тебя ведь уже есть нарушение, не забыла?

- Нет, староста, и я очень благодарна вам, что вы тогда за меня вступились.

- Пустяки. Садись же. Чем тебя угостить?

Она помотала головой, примостившись на краешке стула, прямая, как палка.

- Спасибо, староста. Я уже поела.

Среди поселковых жителей считалось хорошим тоном предлагать прохладительные напитки гостям, а вот принимать угощение было признаком невоспитанности. Тиренс это знал и не стал настаивать.

- Так что у тебя стряслось? Опять Рик?

Валона молча кивнула.

- У него проблемы на фабрике? - предположил Тиренс.

- Нет, староста.

- Опять мигрени?

- Нет, староста.

Тиренс ждал, колюче щуря светлые глаза.

- Значит, так, Валона, не заставляй меня гадать, хорошо? Давай рассказывай, иначе я не смогу помочь. Ведь тебе нужна моя помощь, я правильно понимаю?

- Да, староста. Просто я не знаю, с чего начать, - вырвалось у неё. - Вдруг вы решите, что я спятила?

Тиренс хотел было дружески похлопать её по плечу, но вовремя вспомнил, как она сжимается от прикосновений. Валона сидела, спрятав, насколько возможно,

свои большие руки в складках платья. Короткие сильные пальцы медленно сплетались и расплетались.

- Так или иначе, я тебя слушаю.

- Помните, я вам говорила, что ездила в город к доктору? Помните, что он сказал?

- Да, Валона. Как и то, что я запретил тебе впредь делать подобное, не посоветовавшись со мной. Надеюсь, ты этого не забыла?

Она вытаращила глаза. Ей не требовался стимул, чтобы припомнить тот его гнев.

- Ни в жисть, староста! Больше я такого не натворю. Но вы тогда пообещали, что сделаете всё, лишь бы я сохранила Рика при себе.

- Так и есть. Хочешь сказать, им интересовались патрульные?

- Нет. Ох, а вы думаете, они могут?

- Уверен, что бояться вам нечего. - Тиренс начал терять терпение. - Валона, хватит ходить вокруг да около. Выкладывай.

- Рик заявил, что бросает меня. - На глазах у неё сразу выступили слёзы. - Я хочу его удержать.

- Да зачем ему тебя бросать?

- Говорит, вспомнил всякое.

Это было уже интереснее. Он подался вперёд, едва удержавшись, чтобы не схватить Валону за руку:

- Что именно?

Тиренс отлично помнил, как нашли Рика. Он заметил ребятню, собравшуюся у оросительной канавы на окраине посёлка. Увидев его, они принялись вопить:

- Староста! Сюда, староста!

- Что случилось, Райси? – спросил он, подбежав к ним.

Прибыв в посёлок, Тиренс специально выучил имена всех детей. Так было проще общаться с их матерями, что на первых порах существенно облегчило ему жизнь.

- Гляньте-ка сюда, староста, – сказал Райси, которого, казалось, вот-вот стошнит.

Мальчик показал пальцем на что-то белое, извивающееся в грязи. Это и был Рик. Мальчишки разом загорланили, принявшись наперебой объяснять, как играли в некую помесь догонялок и прятков. Они, похоже, намеревались поведать старосте название игры, её правила, кто выигрывал, кто проигрывал (в этой части своей путаной саги они заспорили). Всё это, впрочем, не имело значения.

Райси, двенадцатилетний черноволосый мальчик, услышал скулёж и осторожно заглянул в канаву. Он решил, что туда угодил какой-то зверёк – например, полевая крыса, на которую можно будет поохотиться, но вместо крысы увидел Рика.

Брезгливость на лицах детей боролась с жадным любопытством. Взрослый мужчина, почти голый, хныча и поскуливая, бесцельно двигал ногами и руками. По подбородку у него текла слюна. Блёклые голубые глаза метались туда-сюда, лицо заросло щетиной. На миг он встретился взглядом с Тиренсом и вроде бы немного сосредоточился. Потом медленно поднёс большой палец ко рту.

- Ой, староста, смотрите, он пальчик сосёт, – засмеялся один из мальчишек.

Распростёртый мужчина испустил крик. Его лицо побагровело и перекошилось. Он заплакал, тоненько, как младенец, но пальца изо рта не вынул. Рука была грязной, и этот розовый, мокрый от слюны палец резко выделялся среди остальных.

Тиренс стряхнул оцепенение и сказал:

– Так, ребята, хватит носиться по полю и топтать кырт. Вот заметят рабочие, мало вам не покажется. Быстренько расходитесь и не треплите языками. А ты, Райси, сбегай за мистером Дженкасом и приведи его сюда.

Улла Дженкаса с некоторой натяжкой можно было назвать поселковым фельдшером. Какое-то время он прослужил в подмастерьях у настоящего городского врача, благодаря чему был освобождён от работы в полях или на фабрике. Получилось не так уж плохо. Улл мог измерить температуру, выписать таблетки, сделать укол, а главное – определить, когда тот или иной недуг требовал поездки в городскую больницу. Без его полупрофессиональной помощи несчастные, заболевшие спинальным менингитом или острым аппендицитом, мучились бы сильно и недолго. А бригадиры ворчали, чуть ли не вслух обвиняя Дженкаса в заговоре с симулянтами.

Дженкас помог Тиренсу погрузить мужчину в коляску скутера, и они как можно незаметнее отвезли найдёныша в посёлок.

Вдвоём смыли присохшие к телу нечистоты и грязь. Волосы пришлось обрить. Осмотрев, насколько это было в его силах, мужчину, Дженкас вынес вердикт:

– Вроде ничем заразным не болен. Вполне упитанный, рёбра не торчат. Уж прямо и не знаю, что с ним. Как думаете, староста, откуда он тут взялся?

Судя по тону, каким был задан вопрос, Дженкас сомневался, что староста сможет найти ответ, к чему сам Тиренс отнёсся философски. Предыдущий староста управлял посёлком почти пятьдесят лет – нет ничего удивительного в том, что местным требуется время, чтобы притереться к его молодому преемнику. И дело тут вовсе не в самом Тиренсе.

– Не знаю, Улл, – ответил он.

– Опять-таки, ходить он не может. Ни шажочка. Дитё дитём. Значит, его сюда приволокли, да-а. Сдаётся мне, память он потерял.

– Какая болезнь может вызвать потерю памяти?

– Чего не знаю, того не знаю. Такое может приключиться, ежели человек умом тронулся, но в этом я не секу. Всех скорбных головой посылаю в город. А вы этого типа никогда не видели?

– Я же здесь всего месяц. – Тиренс терпеливо улыбнулся.

– Ну да, ну да, – Дженкас со вздохом извлёк носовой платок. – Прежний-то староста был мужик что надо, в строгости нас держал. Я тут, почитай, шестьдесят лет живу, однако тоже малого этого в первый раз встречаю. Видать, из другого посёлка он.

Дженкас был тучен. Из тех толстяков, которые уже рождаются пухлыми, а затем свою лепту в их вес вносит сидячий образ жизни. Поэтому фельдшер, разговаривая, постоянно отдувался и утирал красным носовым платком блестящий лоб, тут же вновь покрывающийся потом.

– Уж и не знаю, чего патрульным-то говорить, – добавил он.

А ведь верно. Беседы с патрульными было не избежать. Мальчишки разболтают всё своим родителям, те примутся сплетничать друг с другом. Жизнь в посёлке идёт размеренно, и весть о необычном происшествии будет передаваться из уст в уста. Пока рано или поздно не дойдёт до патрульных.

Патрульными называли сотрудников Флоринианского патруля. Они не были ни уроженцами Флорины, ни нобилями с планеты Сарк. Патрульные являлись наёмниками, следившими за порядком и получавшими за это плату. Их не связывали кровные узы с поднадзорными, поэтому они не были склонны к побрякам и попустительству жителям Флорины.

Патрульные пришли вдвоём, в сопровождении бригадира с фабрики, явившегося во всей полноте своей весьма ограниченной власти.

Особенного интереса к найдёнышу патрульные не проявили. Безмозглый идиот, может, и подпадал под их компетенцию, но тревоги не вызывал.

– Сколько времени тебе потребуется, чтобы его опознать? – спросил один у бригадира. – Кто этот человек?

- Я никогда его не встречал. - Бригадир помотал головой. - Он не из наших.
- При нём были какие-нибудь документы? - Патрульный повернулся к Дженкасу.
- Нет, сэр. Только тряпка на бёдрах. Я спалил её на случай инфекции.
- Что с ним?
- Рассудком повредился, так я скажу.

Тиренс ненавязчиво оттеснил патрульных к выходу. Им было скучно, и они не протестовали. Тот из двоих, который задавал вопросы, убрал блокнот и сказал:

- Ладно, наверх докладывать не о чем. Нас это не касается. Избавьтесь от него как-нибудь.

И они ушли.

Бригадир остался. Это был веснушчатый рыжеволосый мужчина с большими щетинистыми усами. Человек жёстких принципов, он занимал свою должность уже пять лет; именно на нём в значительной степени лежал груз ответственности за выполнение фабрикой плана.

- Слушайте, с этим надо что-то решать, - раздражённо сказал он. - Народец только и делает, что судачит, а работать кто будет?

- Отправить парня к городским врачам - и вся недолга, - предложил Дженкас, энергично орудуя носовым платком. - Мне такая болячка не по зубам.

- В город?! - вскричал бригадир. - А кто платить будет? Платить кто будет, я тебя спрашиваю? Он - не из наших, правильно я понимаю?

- Вроде нет, - признал Дженкас.

- Ну и на кой тогда нам это? Выясните, откуда он, пусть за чокнутого платит его посёлок.

– Уж и не знаю, как это выяснить. Сам-то чего можешь предложить?

Бригадир задумался. Кончик его языка машинально елозил по колючей растительности на верхней губе.

– Значит, так. От психа надо избавиться, – наконец изрёк он. – Как советовал патрульный.

– Погодите-ка, – перебил его Тиренс, – вы понимаете, что говорите?

– Всё равно он умрёт, – сказал бригадир. – А так мы проявим милосердие.

– Нельзя взять и убить живого человека.

– Тогда скажите нам, что с ним делать.

– Что, если поручить заботу о нём кому-нибудь из поселковых?

– Это кому же? Уж не вы ли сами с ним будете нянчиться?

– У меня другие обязанности. – Тиренс проигнорировал откровенную грубость.

– И так ответит каждый. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь пренебрегал работой на фабрике ради заботы об этом чокнутом.

Тиренс вздохнул и спокойно сказал:

– А теперь, бригадир, давайте рассуждать здраво. Если вы не выполните квартальный план, я смогу заступиться за вас перед нобиллями, объяснив, что один из рабочих заботился о бедолаге. В противном случае, если план окажется невыполненным, я отвечу, что не знаю причины.

Бригадир сердито зыркнул. В его взгляде отчётливо читалось: мол, староста – без году неделя, а уже мешает людям жить своей жизнью. Однако карту с «мастью» нобилей ему было не перебить. К тому же открыто противостоять старосте было неразумно.

– Но кому его поручить? – спросил бригадир. – Я не возьмусь, – поспешно добавил он, заподозрив неладное. – У меня у самого трое детей и жена хвора.

– Я не имел в виду вас.

Тиренс посмотрел в окно. После ухода патруля к дому старосты стянулась гомонящая толпа. По большей части дети, слишком маленькие для работы, и батраки с окрестных полей. Впрочем, были и фабричные, чья смена ещё не началась.

На краю толпы выделялась крупная девушка. Тиренс уже успел обратить на неё внимание. Сильная, умелая, работающая. За несчастным лицом скрывалась природная сметка. Родись она мужчиной, её, несомненно, послали бы на курсы старост. Но она была женщиной. Её родители умерли, а некрасивая внешность должна была препятствовать романтическим похождениям. Одним словом, одинокая женщина, которая, скорее всего, таковой и останется.

– Как насчёт неё? – спросил староста.

– Проклятье! – взревел бригадир, выглянув в окно. – И эта не на работе!

– Ничего, ничего, – примирительно произнёс Тиренс. – Так как зовут девушку?

– Валона Марч.

– Прекрасно, я запомню. Позовите её.

С того дня Тиренс стал неофициальным опекуном пары. Выбил для Валоны дополнительный паёк, талоны на одежду и всё прочее, что может понадобится двоим людям, чтобы прожить на заработок одного, потому как второй нигде не зарегистрирован. Он же впоследствии сделал всё, чтобы Рика обучили работе на ткацких станках. Вмешался в ссору Валоны с начальником цеха и помог ей избежать более сурового наказания. Гибель городского врача избавила его от необходимости что-либо предпринимать, но в принципе он был готов.

Неудивительно, что со всеми своими проблемами Валона шла к Тиренсу.

И теперь он ждал ответов на свои вопросы. Ещё немного поколебавшись, она выдавила:

– Рик говорит, что все-все люди на нашей планете погибнут.

– И каким же образом? – недоумённо спросил Тиренс.

– Он пока не знает. Сказал только, что помнит это из прежней жизни, то есть из той, которая была у него до этой. А ещё – про свою важную работу, хотя я и не поняла, в чём она заключалась.

– Как он её описал?

– Сказал, будто ану... анализировал Ничто. С большой буквы «Н».

Анализировать – это значит разбирать что-то на части, вроде того, как... – принялась объяснять Валона, не дождавшись реакции Тиренса, но тот рассеянно её перебил:

– Я знаю, что такое «анализировать».

– Значит, вы поняли, что имел в виду Рик? – встревоженно спросила Валона.

– Может быть, девочка.

– Староста, а разве можно делать что-нибудь с Ничем?

Поднявшись на ноги, Тиренс коротко улыбнулся:

– Ну, как же, Валона! Неужели ты не знаешь, что наша галактика состоит в основном из Ничто?

На её лице не было и тени понимания, однако она нисколько не усомнилась в его словах. Староста – образованный человек. Внезапно она поняла, что Рик, её Рик, ещё более образованный, и преисполнилась гордости.

- Пойдём. – Тиренс протянул ей руку.

- Куда?

- Где сейчас Рик?

- Дома. Спит.

- Прекрасно. Я тебя провожу. Не нужно, чтобы патрульные застали тебя одну на улице.

Ночью деревня казалась вымершей. Фонари едва освещали единственную улицу, делившую рабочий посёлок надвое. Накрапывало. Тёплый дождик моросил почти каждую ночь. Совсем слабенький – зонты или плащи не требовались.

Валона никогда ещё не бывала на улице в столь поздний час в рабочую пору и боялась. Она старалась ступать как можно тише и прислушивалась, не доносятся ли шаги патрульных.

- Не надо идти на цыпочках, Валона, – сказал Тиренс. – Ведь с тобой я.

Его голос прозвучал так громко, что она подпрыгнула и послушно ускорила шаг.

В домике Валоны было темно, как и во всех прочих, поэтому они вошли внутрь с осторожностью. Тиренс родился и вырос в подобной лачуге, и хотя потом долго жил на Сарке, а теперь занимал трёхкомнатный дом с отдельной ванной, он почувствовал некоторую ностальгию. Обстановка была простой, ничего лишнего: гладкий цементный пол, кровать, комод, два стула да шкаф в углу.

В кухне и ванной необходимости не было: ели все в фабричной столовой, а мылись в общественных душевых, чьи ряды тянулись на задах домов. Климат на Флорине мягкий, и защищать окна от мороза и дождя не требовалось. Во всех четырёх стенах имелись загороженные ширмами отверстия, которые прикрывал от ночной мороси широкий карниз.

Тиренс включил прихваченный с собой фонарик и увидел, что один угол отгорожен старенькой ширмой. Он вспомнил, как сам раздобыл её для Валоны, когда Рик стал уже скорее мужчиной, чем ребёнком.

– Разбуди его, Валона, – кивнул он на угол.

– Рик, Рик! – Она постучала по ширме. – Вставай, маленький!

Оттуда захныкали.

– Это я, Лона.

Они зашли за перегородку. Тиренс посветил сначала на их с Валоной лица, потом на Рика. Тот заслонился от яркого света:

– Что случилось?

Тиренс присел на край койки, обратив внимание, что Рик спит на нормальной кровати. Когда-то Тиренс нашёл для него старую расшатанную раскладушку, но, как оказалось, Валона оставила её себе.

– Рик, Валона сказала, что к тебе возвращается память.

– Да, староста.

С Тиренсом он всегда держал себя очень почтительно, поскольку тот был самым важным человеком в посёлке. Даже управляющий фабрики относился к старосте с должным уважением.

Рик рассказал о вернувшихся днём воспоминаниях.

– А с тех пор ты больше ничего не вспомнил?

– Ничего, староста.

– Хорошо, Рик. – Тиренс отрешённо потёр руки. – Спи.

Валона проводила его до двери, крепясь изо всех сил, но то и дело вытирала глаза тыльной стороной своей широкой ладони.

– Староста, ему придётся меня бросить, да?

– Ты ведь уже взрослая, Валона, – серьёзно ответил Тиренс, беря её за руку. – Я заберу его ненадолго, а потом обязательно верну.

– А что дальше?

– Я не знаю. Пойми, сейчас для нас нет ничего важнее воспоминаний Рика.

– Вы думаете, всё будет так, как он сказал? Люди на Флорине умрут?

– Только никому об этом не говори, Валона. – Тиренс сжал её пальцы. – Иначе придут патрульные и заберут Рика навсегда. Вот о чём тебе надо думать.

Он не спеша вернулся домой, в задумчивости не замечая, как дрожат руки. Сон не шёл. Проворочавшись час, Тиренс достал нарकोполе. Оно было из того немногого, что он привёз с собой с Сарка, когда его назначили старостой на Флорине. Наркополе облегло голову, словно тонкая фетровая шляпа. Тиренс выставил таймер на пять часов и нажал кнопку.

Едва он успел устроиться поудобнее, как аппарат, с небольшой задержкой, отключил бодрствующие центры его головного мозга, мгновенно погрузив в сон без сновидений.

Глава 3. Библиотекарь

Они оставили скутер в боксе, на стоянке у окраины Города. Скутеры в Городе – редкость, а Тиренс не хотел привлекать лишнее внимание. Ему вспомнился Верхний город с диамантными наземными автомобилями и гироскопами-антигравами. Ну, так на то он и Верхний, здесь всё иначе.

Рик смотрел, как Тиленс закрывает бокс, прижимая палец. Чувствуя себя немного неудобно в новом комбинезоне, он неохотно двинулся за старостой под сооружение, похожее на высокий мост, – первую опору Верхнего города.

У всех прочих городов на Флорине были имена, этот же назывался просто Городом. На планете считалось, что рабочим и поселянам, обитавшим в нём самом или в его окрестностях, несказанно повезло. В Городе и врачи лучше, и больницы, больше фабрик и винных магазинов, даже роскошь какая-никакая имелась. Сами жители относились ко всему этому с меньшим восторгом. Ведь они жили в тени Верхнего города.

Тот же полностью оправдывал своё название. Город был жёстко разделён горизонтальным слоем бетоносплава площадью в пятьдесят квадратных миль, который поддерживали около двадцати тысяч опор из стальных балок. Внизу, в тени бетоносплава, обитали туземцы. Над ними, под чистым небом, жили нобили. В Верхнем городе трудно было поверить, что находишься на Флорине. Его населяли почти исключительно уроженцы Сарка с «вкраплением» патрульных-наёмников. Высший класс в самом что ни на есть буквальном смысле.

Дорогу Тиленс знал. Шёл быстро, стараясь не встречаться взглядом с прохожими, смотревшими на одежду старосты с неприязнью и завистью. Коротконогий Рик семенил следом, пытаясь не отстать. Свою предыдущую поездку в Город он помнил плохо. Теперь всё здесь казалось другим. Тогда было облачно, сегодня светило солнце, его лучи падали сквозь щели в плитах, и тёмные полосы делались ещё темнее на фоне ярких. Чередование света и тени завораживало Рика, почти гипнотизировало.

На солнышке грелись старики в креслах на колёсиках, медленно передвигаясь за ползущим лучом. Временами кто-то начинал клевать носом и оказывался в тени, пока его не будил скрип колёс. Иногда световую полосу заполняли мамочки с колясками.

– А теперь, Рик, держи себя в руках, – предупредил Тиленс. – Мы поднимаемся.

Они остановились перед коробом, протянувшимся между четырьмя опорами до самой плиты.

– Я боюсь, – сказал Рик.

Он догадался, для чего служит это сооружение, – это лифт, ведущий на верхний уровень.

Лифты, разумеется, были необходимы. Производство располагалось внизу, а потребители жили наверху. В Нижний город отгружались химикаты и основные продукты питания, однако готовые пластмассовые изделия и изысканная пища оставались привилегией Верхнего. Наверху требовались горничные, садовники, шофёры, строительные рабочие. Лишнее население копошилось внизу.

Тиренс не обратил внимания на испуг Рика. Его удивило собственное сердце, неожиданно ёкнувшее. Не от страха, нет. Скорее от предвкушения. Совсем скоро он вновь шагнёт на священную поверхность и оставит на ней грязные отпечатки своих ботинок. Тиренс имел право туда подняться. Да, он был флоринианцем, но вместе с тем старостой, а следовательно, ему дозволялось входить в Верхний город в любое время.

О, галактика! Как же он их ненавидел!

Тиренс глубоко вздохнул и вызвал лифт. Какой смысл пестовать ненависть? Он много лет прожил на Сарке, в самом гнездилище нобилей. Тиренс научился переносить всё молча. Однако не следовало забывать и то, что он узнал вчера. И не только вчера.

Загудел, опускаясь, лифт. Стена, перед которой они стояли, ушла вниз. Лифтёр глянул на них с отвращением.

– Тут что, только вы двое?

– Да, только мы двое. – Тиренс шагнул внутрь, Рик – за ним.

Лифтёр не спешил поднимать заслонку.

– Сдаётся мне, парни, вам придётся подождать до двух пополудни. Мне не след гонять эту громадину туда-сюда ради двух туземцев, – сказал он и сплюнул, постаравшись, впрочем, не попасть на пол лифта. – Где ваши трудовые книжки?

- Я - староста, - ответил Тиренс. - По одежде не видишь?

- Одежда ничего не значит. Я не хочу потерять работу из-за того, что кто-то где-то слямзил одежду. Показывай бумаги.

Тиренс молча предъявил папку с документами, которые обязаны были иметь при себе все уроженцы Флорины: регистрационный номер, служебное удостоверение, справку об уплате налогов. Папка была открыта на странице с алой лицензией старосты. Лифтёр мельком глянул.

- Ну, хорошо, хорошо. Может, конечно, ты стибрил и лицензию, но это уж не моя забота. Тебя я, так и быть, пропущу, хотя, по моему простецкому разумению, староста - тот же туземец, только в профиль. А что насчёт второго?

- Он - со мной. Вы нас пропустите или мне вызвать патруль, чтобы они заставили вас исполнять ваши обязанности?

Самому Тиренсу меньше всего сейчас хотелось столкнуться с патрульными, однако он произнёс эту фразу с подобающим высокомерием.

- Да ладно, не кипятись.

Стена поднялась, лифт, подрагивая, пошёл вверх. Лифтёр продолжал что-то недовольно бурчать под нос.

Тиренс скупно усмехнулся. Это было практически неизбежно. Люди, работавшие на нобилей, охотно отождествляли себя с хозяевами, компенсируя собственную неполноценность тем, что истово соблюдали правила сегрегации и глядели на своих собратьев свысока. Как же, ведь они были «высотниками»! К таким прочие флоринианцы испытывали особенную ненависть, лишённую возвращённого в их сердцах благоговейного страха перед нобилиями.

Лифт поднялся всего на тридцать футов, однако дверь открылась в совершенно иной мир. Как и другие саркские города, Верхний город представлял собой буйство красок. Отдельные здания, будь то жилые или общественные, были элементами сложной мозаики. Вблизи она казалась бессмысленной мешаниной цветов, но уже с расстояния ста ярдов превращалась в сложную палитру

оттенков, плавно перетекающих один в другой и меняющихся в зависимости от угла зрения.

– Пойдём, Рик, – сказал Тиренс.

Тот застыл, разинув рот. Вокруг не было ни ростка, ни деревца! Лишь камень и краска. Рик не подозревал, что дома могут быть такими огромными. В памяти что-то шевельнулось. На миг ему померещилось, что в этих громадах нет ничего странного... Затем проблеск воспоминания потух.

Мимо проехала наземная машина.

– Это нобили? – прошептал Рик.

Тиренс успел заметить короткие стрижки, длинные расклешённые рукава из атласной однотонной ткани различных оттенков синего и фиолетового, бархатные бриджи и лёгкие чулки, блестящие так, словно были сотканы из тончайшей медной проволоки. Люди в машине даже не взглянули в сторону Рика и Тиренса.

– Молодёжь, – ответил Тиренс.

Он не видел нобилей вблизи с тех пор, как покинул Сарк. Нобили и там-то не вызвали у него тёплых чувств, но на Сарке, по крайней мере, они были дома. Здесь же, в тридцати футах над адом, эти ангелы казались совершенно чуждыми. Тиренс вновь поморщился, подавляя бессмысленную ненависть.

С шипением приблизилась двухместная автоплатформа. Новая модель со встроенным пневмоприводом. Она скользила в двух дюймах над землёй, края её блестящего плоского дна были загнуты вверх, чтобы снизить сопротивление воздуха. Тем не менее остававшегося сопротивления хватало, чтобы платформа производила характерное шипение, означавшее для всех: «Едет патруль!»

Патрульные были здоровенными детинами. Смуглыми, плосколицыми, широкоскулыми, с прямыми черными волосами. Местным они все казались на одно лицо. Глянцевитая чернота мундиров подчёркивалась сверкающими серебряными пряжками, расположенными в стратегических местах, и

декоративными пуговицами и ещё больше сглаживала индивидуальность лиц и усиливала их сходство.

Один патрульный остался на платформе, другой легко перепрыгнул через невысокий бортик и гаркнул:

- Документы!

Привычно пролистав папку, он сунул её обратно Тиренсу.

- Что вам здесь надо?

- Я хотел бы посетить библиотеку, сэр, - ответил Тиренс. - Мне позволено.

- А ты кто? - патрульный посмотрел на Рика.

- Я... - начал тот.

- Он мой помощник, - быстро сказал Тиренс.

- У него нет привилегий старосты.

- Под мою личную ответственность, сэр.

- Ну, смотри. - Патрульный пожал плечами. - У вас, старост, есть привилегии, но вы - не нобили. Не забывай об этом, приятель.

- Ни в коем случае, сэр. Кстати, не подскажете, как пройти в библиотеку?

Патрульный ткнул тонким стволом игольчатого пистолета, указывая направление. С того места, где они стояли, библиотека выглядела ярким пятном, причём цвет менялся от киновари нижних этажей к кармину верхних. По мере приближения кармин словно стекал вниз.

- Страшная какая, - неприязненно произнёс Рик.

Тиренс бросил на него удивлённый взгляд. Он привык к подобному декору на Сарке, но даже ему пестрота Верхнего города представлялась несколько вульгарной. Ко всему прочему, Верхний город был саркским даже больше, чем сам Сарк. На Сарке далеко не все являлись аристократами. Хватало и бедноты, живущей немногим лучше среднего флоринианца. Здесь же обитали «сливки», и здание библиотеки было наглядным тому свидетельством.

Громадное, намного выше прочих, сравнимое разве что со зданиями на самом Сарке – во всяком случае, намного большего размера, чем требовалось Верхнему городу, – оно демонстрировало преимущества дешёвой рабочей силы. Тиренс остановился у пологого пандуса, ведущего к главному входу. На пандусе цветом создавалась иллюзия ступеней, сбившая с толку Рика. Она придавала библиотеке дух архаики, свойственный академическим зданиям.

Просторный центральный зал был прохладен и почти пуст. Библиотекарем служила женщина. Сидя за единственным письменным столом, она казалась одинокой сморщенной горошиной в чрезмерно раздутом стручке. Увидев их, она привстала.

– Я – староста, – торопливо произнёс Тиренс. – Особые привилегии. Этот туземец со мной.

Он протянул ей заранее приготовленные документы. Библиотекарша села, с суровым видом извлекла из слота металлическую пластину и подтолкнула её Тиренсу. Староста приложил большой палец. Библиотекарша сунула пластину в другой слот. Тускло мигнуло фиолетовым.

– Комната 242.

– Благодарю.

Кабинкам на втором этаже было присуще всё то же ледяное единообразие, наводившее на мысль о звеньях бесконечной цепи. Стеклянные двери некоторых кабинок были непрозрачными, матовыми, в них находились люди. Прочие пустовали.

- Двести сорок два, – скрипуче сказал Рик.

- В чём дело, Рик?

- Не знаю. Я почему-то очень взволнован.

- Ты когда-нибудь бывал в библиотеках?

- Не знаю.

Тиренс приложил большой палец к круглому алюминиевому диску, который несколько минут назад сделался чувствительным к отпечатку пальца. Стеклопанная дверь открылась, они вошли, дверь бесшумно закрылась и стала непрозрачной, словно упала штора.

Комната размером шесть на шесть футов не имела окон и украшений. С потолка лился рассеянный свет, вентиляция была искусственной. Стол – от стены до стены, мягкая скамья без спинки. На столе – три ридера. Их матовые экраны располагались под углом в тридцать градусов. Перед каждым виднелись кнопки и верньеры.

- Тебе известно, что это такое? – Тиренс сел и положил пухлую ладонь на один из ридеров.

Рик примостился рядом.

- Книги? – нетерпеливо спросил он.

- Ну-у, – неуверенно протянул Тиренс, – это библиотека, так что твоя догадка недорогого стоит. Ты умеешь пользоваться ридером?

- Нет, староста, вряд ли.

- Уверен? Подумай немного.

Рик сосредоточился изо всех сил.

– Нет, извините, староста.

– Что же, тогда я тебе покажу. Смотри, тут у нас кнопка с надписью «Каталог» и алфавитным указателем. Нам нужна энциклопедия, поэтому мы устанавливаем риск на букву «Э» и нажимаем кнопку.

Тиренс проделал всё это. Матовое стекло ридеров ожило, став жёлтым, на нём проступили чёрные буквы. Одновременно потускнел потолочный свет, а перед экранами, точно языки, выдвинулись три панели, причём на каждую был направлен световой луч. Тиренс щёлкнул тумблером, и панели уехали в свои пазы.

– Заметки делать не будем, – прокомментировал он. – Теперь повернём вот эту ручку и посмотрим список книг на букву «Э».

Длинный перечень авторов, названий, каталожных номеров пополз вниз, пока не дошёл до столбца пронумерованных томов энциклопедии.

– Надо ввести буквы и цифры, написанные после названия книги, которую вы хотите прочитать, потом нажать вот эту кнопку, и на экране появится страница, – вдруг произнёс Рик.

– Откуда знаешь? – Тиренс повернулся к нему. – Вспомнил?

– Может быть. Я не уверен, но мне показалось, что так правильно.

– Хорошо, будем пока считать это проницательностью.

Он набрал буквенно-цифровой код. Страница моргнула, появилось название: «Энциклопедия Сарка, том 54, Пос-Пул».

– Теперь гляди, Рик. Я не хочу ничего тебе подсказывать, поэтому не скажу, что у меня на уме. Просто просматривай книгу и, если что-то покажется тебе знакомым, остановись. Всё понял?

– Да.

– Отлично. Приступай.

Минута шла за минутой. Внезапно Рик охнул и крутанул ручку, возвращаясь назад. Тиренс прочитал заголовок и расплылся в улыбке.

– Ты вспомнил, правда? Не догадался, а именно вспомнил?

– Воспоминание само вернулось ко мне, староста. – Рик часто закивал головой. – Само!

Статья была посвящена пространственному анализу.

– Я знаю, что тут написано, – проговорил Рик. – Сейчас, сейчас покажу.

Он тяжело дышал, да и сам Тиренс едва сдерживал возбуждение.

– Смотрите, староста, это есть всегда, во всех статьях...

Читал вслух он сбивчиво – и всё же гораздо лучше, чем можно было ожидать после отрывочных уроков Валоны.

Статья гласила: «Неудивительно, что пространственные аналитики склонны к интроверсии и зачастую отличаются неуравновешенным характером. Совершенно нормальный человек не смог бы посвятить большую часть своей жизни пугающему одиночеству межзвёздной пустоты. Вероятно, поэтому Институт пространственного анализа сделал своим официальным девизом ироничную и парадоксальную фразу «Мы анализируем Ничто».

Голос Рика сорвался.

– Ты понимаешь то, что прочитал? – спросил Тиренс.

– Тут написано: «Мы анализируем Ничто». – Щуплый мужчина поднял на старосту горящие глаза. – Это то, что я вспомнил. Я был одним из них.

– Ты был пространственным аналитиком?

– Да! – выкрикнул Рик, потом добавил тише: – Голова болит.

– Потому что ты слишком напрягаешь память?

– Похоже, – нахмурился он. – Но я должен вспомнить побольше. Существует опасность, огромная опасность! Прямо не знаю, что делать.

– Библиотека к нашим услугам, Рик, – осторожно произнёс Тиренс, взвешивая каждое слово. – Попробуй воспользоваться каталогом самостоятельно и прочитай что-нибудь по пространственному анализу. Посмотрим, куда это тебя заведёт.

Рик порывисто склонился над ридером. Видя, что он весь дрожит, Тиренс отсел немного, давая ему место.

– Как насчёт «Трактата об инструментах пространственного анализа» Врейта? – поинтересовался Рик. – Пойдёт?

– Теперь командуешь ты, Рик.

Тот ввёл каталожный номер, экран ярко засветился, на нём появилась надпись: «По поводу запрошенной книги, пожалуйста, обратитесь к библиотекарю».

Тиренс поспешно выключил экран.

– Пожалуй, тебе лучше поискать другую книгу.

– Но... – Рик заколебался, потом всё-таки послушался и, пролистав каталог, выбрал «Структуру пространства» Иннинга.

На экране вновь появилось предложение обратиться к библиотекарю.

– Проклятье! – Тиренс выключил ридер.

– Что случилось? – спросил Рик.

– Ничего, ничего. Только без паники. Просто я не совсем понимаю...

И тут ожил небольшой динамик, размещённый за решёткой рядом с ридерами.

– Комната 242! Есть кто в комнате 242? Отвечайте! – произнёс тонкий, сухой голос библиотекаря.

Они похолодели.

– Да. Что вы хотите? – резко спросил Тиленс.

– Какая книга вам требуется?

– Никакая, спасибо. Мы просто смотрели, как работает ридер.

На том конце замолчали, словно с чем-то сверяясь. Затем голос ещё более пронзительно сказал:

– У меня записано, что вы запрашивали «Трактат об инструментах пространственного анализа» Врейта и «Структуру пространства» Иннинга. Это так?

– Мы набирали номера наугад, – ответил Тиленс.

– Могу я поинтересоваться, зачем вам эти книги? – не отступал голос.

– Говорю вам, они нам не нужны... Прекрати! – последнее слово предназначалось Рика, который начал хныкать.

Помолчав, голос из динамика произнёс:

– Чтобы получить эти книги, спуститесь на первый этаж и пройдите к стойке. Доступ к ним ограничен, поэтому вам придётся заполнить формуляр.

– Идём. – Тиленс потянул Рика за рукав.

- Наверное, мы нарушили правила, – заныл Рик.

- Глупости. Мы уходим.

- И не будем заполнять формуляр?

- Нет. Как-нибудь в другой раз.

Тиренс торопливо подтолкнул Рика к выходу. Они спустились в вестибюль. Библиотекарша повернулась к ним.

- Подождите! – крикнула она, приподнимаясь. – Одну минуточку!

Они не остановились. Дорогу им заступил патрульный.

- Куда спешим, парни?

- Вы из комнаты 242? – к ним подскочила запыхавшаяся библиотекарша.

- Послушайте, в чём дело? – твёрдо спросил Тиренс.

- Вы хотели прочитать некие книги. Они для вас отложены.

- У нас нет времени, в другой раз. Неужели не ясно, что сейчас мне не нужны никакие книги? Я вернусь завтра.

- Наша библиотека всегда стремится удовлетворить запросы читателей, – чопорно произнесла женщина. – Книги вам принесут с минуты на минуту.

У неё на щеках забагровели пятна. Она торопливо направилась к дверце, открывшейся при её приближении.

- Сэр, – сказал Тиренс патрульному, – если вы не возражаете, мы...

Патрульный демонстративно взялся за утяжелённый нейрохлыст, который с успехом можно было использовать и как дубинку, и как парализующее на

расстоянии оружие.

– Значит, так. Сядьте-ка, парни, и спокойно подождите возвращения госпожи. Этого требует элементарная вежливость.

Патрульный был немолод и дороден. Судя по всему, предпенсионного возраста. Похоже, его отправили в тихое местечко дожидаться заслуженного отдыха. Однако он был вооружён, а любезность на его смуглом лице выглядела неискренней.

Тиренс взмок, на лбу выступили капли пота. Он недооценил ситуацию. Всё, включая его собственный анализ происходящего, представлялось таким логичным. И вот к чему это привело. Нельзя было вести себя так безрассудно. А всё его треклятое желание проникнуть в Верхний город, пройтись по библиотечным коридорам, воображая себя саркцем...

Тиренс уже готов был броситься на патрульного, но с изумлением понял, что это лишнее.

За спиной патрульного что-то промелькнуло. Тот начал поворачиваться. Слишком поздно. Возраст замедлил его реакции. Нейрохлыст выдернули у него из руки и стукнули им его по голове прежде, чем патрульный успел закричать. Он мешком осел на пол.

Рик радостно взвизгнул.

– Валона! – воскликнул Тиренс. – Тысяча саркских чертей! Валона!

Глава 4. Бунтарь

Тиренс быстро пришёл в себя.

– Скорее прочь отсюда! – крикнул он, бросаясь к двери.

Мелькнула мысль оттащить бесчувственное тело патрульного за колонны, выстроившиеся вдоль вестибюля, но времени на это не оставалось.

Они выбежали на пандус под яркое послеполуденное солнце. Цвета Верхнего города изменились, теперь преобладала оранжевая гамма.

– Бежим! – выкрикнула Валона, но Тиренс схватил её за локоть.

– Ни в коем случае. – Староста улыбался, однако голос его был твёрд. – Оба спокойно следуйте за мной. Возьми Рика за руку – нельзя, чтобы он побежал.

Начали спускаться. Тиренсу казалось, что они движутся как сквозь клей. Сзади слышался шум. Или померещилось? Оглядываться не стал.

– Туда.

Над проезжей частью мерцала вывеска, плохо различимая в ярком свете солнца Флорины: «Скорая помощь». Они перешли дорогу и нырнули в боковую дверь, оказавшись среди невероятной белизны. Три инородные капли, упавшие на стерильное, зеркальное покрытие коридора.

Женщина в форменной одежде, стоявшая в отдалении, внимательно посмотрела на вошедших, нахмурилась и, помедлив, направилась к ним. Тиренс не стал её дожидаться. Свернул в первое попавшееся ответвление коридора, потом в следующее. Они проходили мимо людей в униформе, и староста физически чувствовал нарастающее вокруг подозрение, вызванное их появлением. Туземцы бродят по верхним этажам больницы? Неслыханно! Что они здесь забыли?

Вскоре их наверняка должны были остановить.

Его сердце радостно забилось при виде незаметной дверцы с табличкой: «К этажам для туземцев». Лифт стоял открытым. Тиренс затолкал Рика с Валоней внутрь. Мягкий толчок, с которым лифт поехал вниз, стал самым приятным ощущением за весь этот день.

В Городе было три вида зданий. Большинство назывались Нижними и располагались соответственно на нижних уровнях. Дома рабочих, высотой

максимум в три этажа, фабрики, пекарни, заводы-утилизаторы. Высшими зданиями были дома нобилей, театры, библиотека, стадионы. Имелось и некоторое количество Двойных зданий, включавших нижние и верхние уровни, с отдельным входом: патрульные участки, больницы.

Беглецы вполне могли воспользоваться больницей, чтобы попасть в Нижний город, избежав поездки на медленном грузовом лифте, да ещё с чрезмерно бдительными операторами. Туземцам, конечно, было запрещено ходить через двери для нобилей, но после нападения на патрульного поездка на больничном лифте, прямо скажем, – не самое серьёзное преступление.

Вышли из лифта. Стены и здесь били в глаза той же стылой бесцветностью, но на всем лежал налёт запустения, словно убрали тут гораздо реже. Мягких скамей, как в коридорах верхнего этажа, здесь не было. В приёмном покое висел гул голосов встревоженных мужчин и испуганных женщин. Единственная дежурная медсестра безуспешно пыталась навести порядок в этой сумятице.

Она как раз осматривала мужчину, стоявшего с задранной штаниной. Тот сгибал и разгибал колено, заискивающим тоном отвечая на вопросы, которые сыпались градом:

– На что конкретно жалуетесь?.. Как давно у вас эти боли?.. Обращались ли вы ранее в больницу?.. Так, теперь с вами. Ну, нет, незачем отвлекать врачей по таким пустякам. А вы останьтесь, доктор вас осмотрит и выпишет дополнительные лекарства. Следующий! – закричала она и пробурчала что-то себе под нос, косясь на настенные часы.

Тиренс, Валона и Рик опасно пробирались сквозь толпу. Валона, точно присутствие других флоринианцев развязало ей язык, с жаром зашептала:

– Староста, я должна была прийти. Прямо извелась за Рика. Перепугалась, что вы не приведёте его обратно, и...

– Как ты пробралась в Верхний город? – строго спросил он, распахивая плечом кротких пациентов.

– Пошла за вами, увидела, как вы сели в лифт. Когда лифт опять опустился, сказала, что отстала от вас, и лифтёр отвёз меня наверх.

– Вот так просто?

– Ну, пришлось и его маленько пристукнуть.

– О, саркские бесы! – выругался Тиренс.

– Но мне пришлось, – жалобно повторила Валона. – Потом я увидела, как патрульные показывают вам дорогу. Подождала, пока они уберутся, и двинулась за вами. Только внутрь войти не посмела. Я не знала, что делать, поэтому вроде как спряталась. Затем к вам пристал патрульный, и...

– Эй, вы! – раздался резкий окрик медсестры.

Женщина поднялась, нетерпеливо постукивая металлическим стилусом по столу из бетоносплава. Окружающие притихли, слышалось только тяжёлое дыхание толпы.

– Куда вы? Вернитесь немедленно. Нельзя покидать приёмный покой до того, как вас осмотрят. Я не потерплю симулянтов, пытающихся улизнуть от работы. Вернитесь!

Но все трое уже выскочили в тень Нижнего города, окунувшись в шум и вонь того, что саркцы именовали Туземным кварталом. Верхний город опять был лишь крышей над их головами. Валона и Рик явно вздохнули с облегчением, оказавшись вдали от гнетущей саркской роскоши, однако Тиренса снедала тревога. Они зашли слишком далеко. Отныне их повсюду будет подстерегать опасность.

Из круговерти мыслей его вывел голос Рика:

– Смотрите!

Душа у Тиренса ушла в пятки.

Перед их взглядами разворачивалось самое страшное зрелище, которое только могли увидеть жители Нижнего города. Из щели в «крыше» на них спикировала

огромная птица. Она затмила собой солнце, превратив сумрак в зловещую темноту. Только никакая это была не птица, а военная машина патрульных.

Люди с воплями бросились врассыпную. Вряд ли у кого-то из них были причины удирать, но они всё равно удирали. Лишь какой-то мужчина, оказавшийся на пути у патруля, словно нехотя посторонился, упорно продолжая идти своей дорогой. Когда тень окончательно накрыла его, он остановился и огляделся: каменное спокойствие в бурном человеческом море. Мужчина был среднего роста, с гротескно широкими плечами. Один рукав его рубахи был закатан, открывая ручищу размером с бедро взрослого человека.

Тиренс медлил, Рик и Валона сами решить ничего не могли. Сомнения старосты накопились до предела. Бежать? Но куда? Остаться? Что тогда с ними будет? Имелся, правда, шанс, что патруль ищет кого-то другого, однако шанс этот был невелик, учитывая нападение на охранника библиотеки.

Широкоплечий тяжёлой рысцой приблизился к ним. На секунду, будто ненароком притормозив, он, как бы между прочим, произнёс:

– Пекарня Хорова, второй уровень, позади прачечной.

И повернул назад.

– За мной, – бросил Тиренс, срываясь на бег.

Пот лил с него ручьём. Сквозь гам до старосты доносился лай приказов патрульных. Он оглянулся. Из машины выпрыгнули с полдюжину чёрных мундиров и веером рассыпались по округе. «Долго искать им не придётся», – мелькнула мысль. В треклятой одежде старосты он выделялся из толпы, что та колонна, поддерживающая Верхний город.

Двое патрульных пошли в верном направлении. Заметили они его или нет? Впрочем, неважно: патрульные наткнулись на широкоплечего. Староста со спутниками не успел ещё далеко отбежать, как услышал хриплый рёв мужчины и громкую ругань патрульных. Он торопливо потянул Валону и Рика за угол.

Пекарню Хорова они узнали по тусклому «червя» вывески (несколько люминесцентных пластиковых букв было разбито), а также по восхитительному аромату, лившемуся из открытой двери. Выбора не оставалось – они вошли.

Из внутреннего помещения выглянул старик, которого они не сразу заметили из-за мучной пыли, словно туман приглушавшей свет радарных печей. Не успел старик открыть рот, как Тиренс произнёс:

– Широкоплечий...

Староста для наглядности развёл руки, и тут снаружи раздались крики: «Патруль! Патруль!»

– Сюда, быстро! – приказал старик.

– Туда? – недоверчиво переспросил Тиренс.

– Это обманка, макет.

Рик, а за ним и Валона с Тиренсом протиснулись в дверцу печи. Что-то щёлкнуло, задняя панель приоткрылась, повиснув на петлях. За ней оказалась небольшая тёмная каморка.

Они ждали. Вентиляция была плохой, и от запаха свежее испечённого хлеба сосало под ложечкой. Валона с улыбкой тарасилась на Рика, машинально похлопывая его по руке. Рик же смотрел на девушку невидящим взглядом, то и дело потирая разгорячённое лицо.

– Староста... – начала было Валона, но Тиренс зашипел на неё.

– Пожалуйста, только не сейчас.

Он утёр потный лоб и уставился на свою мокрую ладонь.

Новый щелчок панели показался оглушительным, настолько близко он прозвучал. Тиренс подобрался, неосознанно сжимая кулаки.

Из отверстия показалась голова широкоплечего, который с трудом протиснулся в их убежище. Весело посмотрев на старосту, он сказал:

– Ты это брось, парень. Драться мы не будем.

Тиренс опустил взгляд на свои кулаки и разжал пальцы.

Вид у широкоплечего был тот ещё: рубашка на спине порвана, на щеке багровел свежий кровоподтёк. Крошечные глазки смотрели из-под набрякших век.

– Облава закончилась, – продолжил широкоплечий. – Голодные? Еда у нас не бог весть какая, зато много. Ну, что скажете?

На город опустилась ночь. Огни Верхнего города освещали полнеба, Нижний тонул в промозглой темноте. Витрину пекарни закрыли плотными ставнями: зажигать свет после начала комендантского часа было запрещено.

Поев горяченького, Рик почувствовал себя лучше. Мигрень отступила. Он посмотрел на синяк широкоплечего и застенчиво спросил:

– Они избили вас, да, мистер?

– Немного. Ничего, не бери в голову. Со мной это частенько случается, такая уж у меня работа. – Он хохотнул, показав крупные зубы. – В конце концов, им пришлось признать, что я ни в чём не виноват, просто оказался на пути, когда они преследовали кого-то. А чтобы убрать туземца с дороги, проще всего... – Он поднял и резко опустил руку, словно нанося удар невидимой дубинкой.

Рик невольно отшатнулся, Валона заслонила рукой. Широкоплечий откинулся назад и цыкнул зубом, извлекая застрявшие крошки.

– Я – Мэтт Хоров, но все зовут меня Пекарем. А вы кто?

– Да как вам сказать... – Тиренс пожал плечами.

– Понимаю, – кивнул Пекарь. – То, чего я не знаю, никому не повредит. Может быть, может быть. И всё же я, кажется, заслужил ваше доверие. Спас от патруля.

– Да, благодарю. – Тиренс, как ни старался, не смог придать голосу сердечности. – Откуда вы узнали, что они гонятся за нами? Толпа была изрядной.

– Изрядной-то изрядной, да только таких физиономий, как у вас, ни у кого не было, – ухмыльнулся Пекарь. – Белые, хоть на мел пускай.

Тиренс безуспешно попытался изобразить на лице улыбку:

– Видите ли, я не совсем понимаю, почему вы рисковали своей жизнью. Спасибо вам, конечно, большое. Нет, я знаю, что простого «спасибо» тут мало, но сейчас мне нечего вам предложить.

– А мне ничего и не нужно. – Пекарь привалился к стене. – Я так всегда поступаю, когда могу. Дело не в вас. Если патрульные за кем-нибудь гонятся, я помогаю. Ненавижу патрульных.

– А вы сами в беду не попадаете? – удивилась Валона.

– Случалось и попадать. Видишь это? – Он осторожно ткнул пальцем в синяк. – Но вы, надеюсь, не думаете, что меня остановишь ударом дубинки? Вот зачем я соорудил печь-пустышку. Чтобы патрульные не сцапали, усложнив мне работу.

Глаза Валоны расширились от ужаса и восторга.

– Почему бы и нет? – продолжил Пекарь. – Знаете, сколько на Флорине нобилей? Десять тысяч. А сколько патрульных? Где-то тысяч двадцать. А нас, местных, – пятьсот миллионов. Если бы мы все разом выступили против... – Он прищёлкнул пальцами.

– Против игольчатых пистолетов и бластеров? – хмыкнул Тиренс.

– В точку. Оружие нам позарез нужно. Это вы, старосты, живёте с нобилями бок о бок, вот и привыкли «труса праздновать».

Валоне казалось, что мир перевернулся вверх дном. Пекарь дрался с патрульными и смело, без малейшего почтения, разговаривал со старостой! Рик подёргал её за рукав. Она мягко разжала его пальцы и предложила ему поспать. Сейчас ей было не до Рика, она хотела послушать, что ещё скажет Хоров.

– Без вас, старост, нобилям не удержать Флорину даже с их бластерами, – продолжил тот.

На лице Тиренса появилось обиженное выражение, и Пекарь добавил:

– Ты на себя посмотри. Сытый, довольный, морда аж лоснится, одет с иголочки, живёшь в уютном домике. Небось, и книг полно? Отдельная кормёжка, никакого комендантского часа, в Верхний город ходи не хочу. Хочешь сказать, нобили тебе это всё за красивые глаза дали?

Тиренс понимал, что находится не в том положении, чтобы спорить.

– Ну, положим, – уклончиво сказал он. – Но что же нам, старостам, по-вашему, делать? Тоже кидаться с кулаками на патрульных? А смысл? Да, я слежу за порядком в своём посёлке и за выполнением плана, но, со своей стороны, защищаю поселян. Стараюсь им помогать по мере возможности. Разве это ничего не значит? Однажды...

– Да-да, конечно, «однажды»... Только не все доживут до этого «однажды». Когда мы с тобой сдохнем, какая разница, кто будет управлять Флориной? Для нас, я имею в виду?

– Ну, во-первых, я ненавижу патрульных побольше вашего. Тем не менее... – Тиренс прикусил язык и покраснел.

– Продолжай, продолжай, – захохотал Пекарь. – Говори, не бойся. Я не донесу на тебя за то, что ты ненавидишь нобилей. Так почему за вами гнались патрульные?

Тиренс промолчал.

– Ладно, попробую сам смекнуть. Когда патрульные меня дубасили, я заметил, что они злющие, как черти. Словно им самим хвост прищемили, а не потому, что нобили приказали. Уж я-то их хорошо изучил. А это значит только одно: вы избили патрульного. Или вообще убили.

Тиренс опять промолчал.

– Осторожность, староста, штука полезная, главное – не перестараться, – всё так же весело продолжил Пекарь. – Тебе требуется помощь. Они знают, кто ты такой.

– Нет, не знают, – вырвалось у Тиренса.

– В Верхнем городе у вас наверняка проверяли документы.

– С чего вы взяли, что мы были в Верхнем городе?

– Догадался. Спорю на что угодно, вы там были.

– Документы проверяли, но мельком. Сомневаюсь, что они запомнили имя.

– Довольно и того, что ты староста. Всего-то и нужно узнать, кого из старост не было на месте, и разыскать того, кто не сможет отчитаться за свою отлучку. Поди, все провода на Флорине уже докрасна раскалились от донесений. Поэтому, вы в беде.

– Наверное.

– Какое уж там «наверное». Помощь нужна?

Они разговаривали шёпотом. Рик давно свернулся калачиком в углу и уснул. Валона же переводила взгляд со старосты на Пекаря и обратно.

– Нет, спасибо, не нужна. – Тиренс покачал головой. – Я... я как-нибудь сам выкручусь.

– Любопытно будет посмотреть, – вновь хохотнул Пекарь. – Ты учёностью-то не кичись, я другим беру. Ладно, утро вечера мудренее, может, ещё и согласишься принять руку помощи.

Валона лежала в темноте с открытыми глазами. Постелью ей служило обыкновенное одеяло, брошенное на пол, но разница с её обычной койкой была невелика. В другом углу, тоже на одеяле, крепко спал Рик. Он всегда спал крепко после изнурительных приступов головной боли.

Староста ложиться отказался, опять рассмешив Хорова (который, похоже, готов был смеяться по любому поводу). Пекарь выключил свет, сказав:

– Пусть тогда сидит в темноте, раз уж ему так хочется.

Сон к Валоне не шёл. А вдруг ей вообще никогда больше не удастся заснуть? Ведь она ударила патрульного!

Ни с того ни с сего вспомнились отец и мать.

Воспоминания о них были туманны. За годы, пролётшие между жизнью с родителями и нынешней, Валона почти заставила себя забыть их лица. Теперь ей припомнилось, как они, думая, что дочь спит, перешёптывались ночами. А ещё – люди, пришедшие из темноты.

Однажды ночью Лону разбудили патрульные и принялись задавать вопросы. Она плохо понимала, чего от неё хотят, но постаралась ответить. После этого родители исчезли. Уехали, как ей было сказано. Лону отправили на работу, хотя другие ребята её возраста ещё два года наслаждались свободой. Люди косились на неё и не позволяли своим детям с ней играть, когда она возвращалась домой. Валона научилась уходить в себя. Научилась молчать. Её прозвали Лоной-Орясиной, насмехались, считали тупицей.

Почему этот ночной разговор навёл на мысли о родителях?..

– Валона.

Шёпот раздался так близко, что чужое дыхание колыхнуло её волосы, и был так тих, что она едва его расслышала. Валону охватил страх пополам со смущением: голое тело укрывала лишь тонкая простыня.

– Молчи, – продолжил голос старосты, – и слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я обязательно вернусь, слышишь? Ты всё поняла?

Она нащупала руку старосты и пожала. Похоже, такой ответ его устроил.

– Позаботься о Рике. Не спускай с него глаз. И ещё, Валона... – Он помолчал. – Не слишком-то доверяй Пекарю. Я его не знаю. Поняла?

Потом что-то прошелестело, скрипнуло. Ушёл. Валона приподнялась на локте. Тишину нарушало лишь сопение Рика и её собственное дыхание.

Она крепко зажмурилась в темноте и принялась думать. Почему староста, который знает всё-всё на свете, так отозвался о Пекаре? Ведь тот их спас и патрульных он ненавидит? Так почему?

На ум пришло только одно: Пекарь уже был там, на улице. И когда тучи окончательно сгустились над их головами, принялся действовать. И действовал быстро. Словно всё было подстроено заранее, а Пекарь только того и ждал. Странно, очень странно. Если бы не слова старосты, она бы сроду об этом не подумала.

Громкий, насмешливый окрик расколол тишину:

– Эй! Ты ещё здесь?

Валона окаменела в луче света. Немного придя в себя, натянула простыню до самого подбородка. Луч метнулся в сторону. Она сразу узнала говорившего. В полумраке темнела приземистая мощная фигура, подсвеченная опущенным фонариком.

– Надо же, я думал, ты тоже с ним уйдёшь.

– С кем, сэр? – пискнула Валона.

- Со старостой. Ты же знаешь, что он смылся. Не юли.

- Сэр, он вернётся.

- Это он тебе так сказал? Что ж, дурак будет, ежели вернётся. Патрульные его схватят. Если он не тупой, твой староста, то сообразил, что дверь была отперта неспроста. А ты разве не собираешься бежать?

- Я подожду старосту.

- Ну-ну. Долгонько же тебе придётся ждать. Ладно, уйдёшь, когда захочешь.

Луч скользнул по полу, выхватив из темноты бледное и худое лицо Рика. Тот сморщился от яркого света, плотнее смыкая веки, но не проснулся.

- Сама уходи, когда заблагорассудится, а его оставь, - голос Пекаря сделался задумчивым. - Надеюсь, ты меня понимаешь? Решишь уйти - дверь открыта, но не для этого парня.

- Он просто несчастный больной... - испуганно начала Валона.

- Да? Как раз такие мне и нужны. Он останется здесь, заруби себе на носу.

Луч фонарика продолжал светить прямо в лицо спящему Риду.

Глава 5. Учёный

Профессор Селим Юнц уже целый год сгорал от нетерпения. Беда в том, что к нетерпению, сколько ни старайся, притерпеться нельзя. Скорее наоборот. Прошедший год научил его тому, что саркская бюрократия суеты не терпит. Особенно с учётом того, что государственными служащими были в основном уроженцы Флорины, подчёркнуто блюдущие своё достоинство.

Однажды Юнц поинтересовался у старины Абея, транторского посла, прожившего на Сарке так долго, что, кажется, даже его ботинки успели пустить тут корни, почему саркцы позволяют работать в государственных учреждениях тем, кого искренне презирают.

Абель с прищуром посмотрел на него поверх бокала с молодым вином.

– Политика, Юнц, всего лишь политика. Утилитарная генетика пополам с саркской логикой. Сарк – крошечная, никчемная планетка, которая имеет вес только до тех пор, пока контролирует Флорину, этот неисчерпаемый золотой прииск. Вот почему каждый год они носятся по тамошним полям и деревьям в поисках подающей надежды молодёжи и отправляют её на Сарк для обучения. Посредственности остаются на госслужбе заполнять бланки и шлёпать печатями, а по-настоящему умных возвращают на Флорину руководить посёлками. То есть назначают так называемыми старостами.

Профессор Юнц был прежде всего пространственным аналитиком, и смысла в словах Абея не углядел. О чём не преминул тут же объявить. Абель ткнул в него корявым старческим пальцем. Зеленоватый блик содержимого бокала упал на ребристый, изжелта-серый ноготь, сгладив его цвет.

– Не быть вам управленцем, Юнц, сразу видно. Так что не обращайтесь ко мне за рекомендацией – откажу. Ну, посудите сами. Цвет флоринианской нации, оказывается, беззаветно предан Сарку, ведь пока они служат своим хозяевам, те холят их и лелеют. Стоит только повернуться спиной к Сарку, и их в лучшем случае ждёт возвращение к существованию обычного флоринианца, а оно, друг мой, ой как нелегко.

Посол одним глотком осушил бокал и продолжил:

– Кроме того, ни старосты, ни флоринианцы, оставшиеся на Сарке, не могут иметь детей, если не хотят потерять свой социальный статус. Даже от флоринианок. О браках с саркскими женщинами речь вообще не идёт. Следовательно, лучшие флоринианские гены непрерывно выводятся из обращения, так что со временем население Флорины будет состоять из дровосеков да водоносов.

– Но ведь тогда Сарк останется без чиновников, разве нет?

- Ну, это вопрос весьма отдалённого будущего.

Профессор Юнц припомнил этот разговор, сидя в приёмной министерства по делам Флорины и с нетерпением ожидая, когда падут бюрократические препоны, в то время как клерки-флоринианцы носились по бесконечному канцелярскому лабиринту.

Перед ним появился пожилой чиновник, состарившийся на служебной ниве.

- Профессор Юнц?

- Да.

- Следуйте за мной.

Табло со сменяющимся номером или беспроводной флюороканал были бы столь же эффективны, но там, где рабочая сила ничего не стоит, прогресс не востребован. Рабочая сила... Занятно, но ни в одном государственном учреждении Сарка он ни разу не видел работниц. Флоринианки не имели права покидать планету, исключения делались лишь для домашней прислуги, которой также было запрещено иметь детей. А о связях флоринианцев с саркианками и речи быть не могло, как сказал Абель.

Юнца жестом пригласили сесть к столу секретаря замминистра. Должность была высвечена на столешнице. Разумеется, ни один уроженец Флорины не мог подняться выше уровня простого клерка - неважно, сколько реальных нитей управления сосредоточивалось в их белых руках. Сам министр и его заместитель были, естественно, саркцами, и хотя Юнц вполне мог повстречаться с ними на каком-нибудь светском рауте, попасть к ним на приём в министерстве не было никакой возможности.

Он сел, изнывая от нетерпения: до цели оставалось всего ничего. Клерк внимательно изучал дело, переворачивая каждый исписанный убористым почерком листок так, словно там содержались все тайны вселенной. Он был довольно молод (видимо, недавний выпускник), светлокожий и светловолосый, как все флоринианцы.

Профессора Юнца охватил атактистический трепет. Сам он был очень смуглым уроженцем Либейра. В галактике было немного планет, подобных Флорине или Либейру, то есть населённых исключительно белокожими или чернокожими людьми. В основном преобладало нечто среднее.

Кое-кто из дерзких молодых антропологов выдвигал даже гипотезы, что население таких планет, как Либейр, принадлежит к иной, хотя и конвергентной, эволюционной ветви. Представители старой школы встречали в штыки теорию эволюции, в которой конвергенция видов приводит к возможности их скрещивания. Между тем скрещивание происходило, следовательно, настаивали они, существовала некая планета-прародина, где люди уже делились на подгруппы с различным цветом кожи.

С точки зрения профессора Юнца, они просто сдвигали проблему в прошлое, не давая удовлетворительного ответа. Он нередко ловил себя на том, что обдумывает эту задачу. Легенды о каком-то давнишнем конфликте были почему-то характерны именно для «тёмных» планет. Например, либейрские мифы гласили о войне между людьми разного цвета кожи. Сам Либейр якобы был основан темнокожими беглецами, проигравшими сражение.

Когда Юнц покинул родину и улетел учиться в Арктурианский институт пространственных технологий, а затем приступил к работе, старые сказки выветрились у него из головы. Вспомнил он о них после одного удивительного случая. Дела занесли Юнца на древнюю планету Кентаврийского сектора, история которой охватывала неисчислимые тысячелетия, а язык был настолько архаичен, что наводил на мысль о мифическом «английском». Так вот, в диалекте этой планеты имелось особенное слово для именованья темнокожих.

Зачем могло потребоваться специальное слово для людей с тёмной кожей? Ведь никто не изобретает названия для людей с голубыми глазами, большими ушами или кудрявыми волосами? Нет никаких особенных слов и для...

– Судя по записям, вы уже обращались в наш департамент? – прервал его размышления голос клерка.

– Да, сэр, обращался, – кисло ответил Юнц.

- Довольно давно?

- Да, довольно давно.

- Вы до сих пор пытаетесь найти пространственного аналитика, исчезнувшего... - клерк пролистал страницы, - ...одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад?

- Верно.

- И за всё это время, - продолжил клерк сухим, скрипучим голосом, из которого, казалось, были выжаты все соки, - не обнаружилось ни единого доказательства, что этот человек когда-либо побывал на территории Сарка.

- Последнее его сообщение пришло из окрестностей Сарка.

- Может быть, - клерк зыркнул на учёного бледно-голубыми глазками. - Однако доказательств посадки его корабля на Сарк нет.

Нет доказательств! Юнц сжал зубы. Именно так со всё возрастающей неприязнью ему отвечали уже несколько месяцев в Межзвёздном Пространственно-аналитическом Бюро.

«Нет доказательств, профессор Юнц». «Вы могли бы с большей пользой тратить рабочее время, профессор Юнц». «Бюро всенепременно продолжит поиски, профессор Юнц».

Что в переводе на человеческий значило: прекратите нам досаждать, чёртов Юнц!

Всё это началось, как скрупулёзно отметил клерк, одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад по межзвёздному стандартному времени (клерк, разумеется, не допустил бы небрежности, воспользовавшись местным временем в подобном вопросе). За два дня перед тем Юнц прилетел на Сарк для рутинной проверки сотрудников Бюро, которая превратилась... короче, превратилась в то, во что превратилась.

Его встретил местный представитель МПБ, subtilный юноша, запомнившийся профессору главным образом тем, что непрерывно жевал какую-то эластичную штукoвину – видимо, продукт саркской химической промышленности.

Инспекция подходила к концу, когда юноша, запихав свою жвачку куда-то за коренные зубы, произнёс:

– Ах да, есть ещё сообщение от одного из наших полевых агентов. Скорее всего, ничего важного, вы же их знаете.

Привычно-презрительное «вы же их знаете» заставило Юнца вспыхнуть от негодования. Он уже хотел сказать, что сам пятнадцать лет назад работал полевым агентом, однако вовремя вспомнил, что его хватило всего на три месяца. Именно эта вспышка злости заставила Юнца внимательно прочитать сообщение.

Оно гласило: «Пожалуйста, держите свободной прямую шифрованную линию связи со штаб-квартирой МПБ для детального отчёта по вопросу первостепенной значимости. Дело – галактической важности. Приземляюсь по кратчайшей траектории».

Юноша, похоже, развеселился. Продолжая непрерывно жевать, он промычал:

– Нет, вы только вообразите, сэр! «Дело галактической важности»! Даже для полевого агента – это перебор. Я связался с ним, надеясь узнать подробности, но куда там! Он тупо бубнил, что Флорина в опасности. Мол, на кону – жизнь полумиллиарда людей. Форменный псих. Честно говоря, не хотелось бы мне оказаться с таким один на один. А вы что думаете, сэр?

– У вас сохранилась стенограмма разговора?

– Да, сэр.

Порывшись несколько минут, парень нашёл плёнку. Юнец просмотрел её на ридере и нахмурился:

– Это копия, не так ли?

– Оригинал я отослал в саркский департамент межпланетного транспорта. Решил, что неплохо будет выслать ему навстречу карету «Скорой помощи», когда он приземлится. Мужик, похоже, рехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/azimov_ayzek/kosmicheskie-techeniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)